

доказательного материала или комментария). Кроме того, наличие семантических и грамматических категорий помогает пользователю отфильтровать результаты поиска и сделать выборку более репрезентативной.

SP — Słownik prasłowiański / red. F. Sławski. Wrocław ; Kraków, 1974–.

Пер. с англ. Д. М. Голиковой

DOI 10.31168/7996-2700-3.26

Т. В. Володина

Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Белоруссии
Минск, Белоруссия
tanja_volodina@tut.by

Этнолингвистическое картографирование и народная медицина белорусов*

В белорусской глубинке, где традиционное мировоззрение сохраняет свои позиции не только в пассивной памяти, но и в активном бытовании, сфера обеспечения здоровья человека, актуальная в любую эпоху, обнаруживает ряд несомненно архаических деталей. За некоторыми из них в этнографической литературе устойчиво закрепилась помета «блр.», хотя их ареал включает несколько соседних районов или даже деревень (при оправданности такой пометы в славистических или даже общеевропейских исследованиях). В такой ситуации ведущие позиции в исследовании диалектной картины традиционной культуры занимает именно этнолингвистическое картографирование.

Объектами картографирования становятся номенклатура болезней, симптомы, акциональные целительские стратегии и конкретные способы лечения, заговоры и их мотивы. Карты наглядно демонстрируют, как в границах проживания одного этноса при приблизительно одинаковых климатических и природных условиях выявляются четкие

* Работа выполнена в рамках проекта БРФФИ № Г18МС-005 от 30 мая 2018 г.

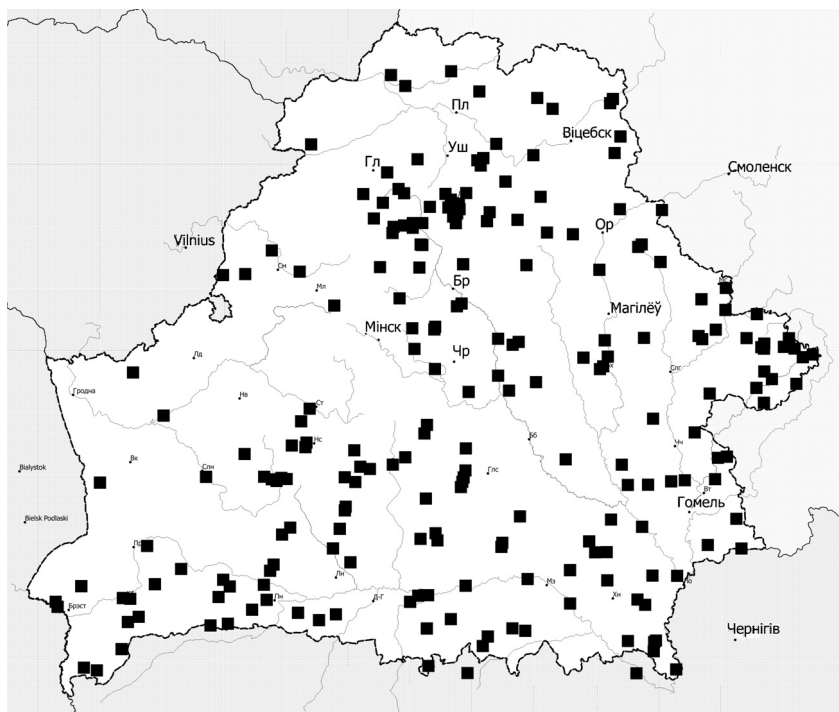
© Володина Т. В., 2019

ареалы народно-медицинских реалий. К примеру, заговоры на территории проживания белорусов представлены очень неравномерно, что обусловлено как экстракультурными причинами, так и закономерностями бытования традиции магического вербального лечения. Карты, демонстрирующие не только ареалы, но и плотность записей того или иного явления, не позволяют выявить прямую зависимость от климатических или хозяйственных факторов: к примеру, количественная диспропорция в записях заговоров (на юго-востоке их записано в сто раз больше, чем на северо-западе) никак не свидетельствует о масштабном «разбеге» в уровне жизни или условиях хозяйствования. Фронтальный обзор всего массива заговоров и их картографирование обнаруживает неожиданные подробности — ряд популярных мотивов, которые представлялись общеполесскими, с высокой плотностью фиксируются в восточной половине страны и затем довольно резко «обрывается».

Именно картографирование в ряде случаев развенчивает достаточно прочно устоявшиеся стереотипы. Среди них — представления о колтуне (*Plica polonica*) как о болезни Полесья с его болотами и низким уровнем гигиены. В современном авторитетном издании читаем: «Славянские представления о колтуне имеют четко выраженный региональный характер: в наибольшей степени они распространены в Польше, в западных частях Белоруссии и Украины. В меньшей степени они известны в чешской и словацкой традициях, в русской культуре поверья о колтуне носят единичный и спорадический характер. У южных славян это верование не встречается. Таким образом, Полесье является восточной окраиной ареала представлений о колтуне, центр которого находится на западославянской территории» [НДП, 242]. Этнолингвистическое картографирование представлений об этой болезни не только указывает на их распространенность по всей этнической белорусской территории, но и позволяет выделить диалектные «предпочтения» в картине болезни (см. карту¹).

Хотя упоминание колтуна в современных городских контекстах устойчиво связывается с «пережитками прошлого», полевые записи последних 10–15 лет демонстрируют не только устойчивость и живучесть представлений об этой болезни, но и реальные факты существования ее в наше время или в недалеком прошлом. Колтун в белорусской

¹ Карта подготовлена Т. Авилиным.

традиции в целом лишь в немногих случаях приписывается демоническому вмешательству (еще один из стереотипов о болезни), чаще представляется извержением вовне присущей каждому человеку внутренней субстанции под воздействием ряда факторов: «У любога чалавека ёсць каўтун, толькі яго нада ўстрывожыць, узнервіць, устаўчы. З бальшых нерваў, з бальшого іспуга» (Стародорожский район Минской обл.). Подобное понимание колтуна как болезненного проявления / извержения жизненных потенций и сил человека существенно в том плане, что на современном этапе о нечистоплотности или запущенности говорить уже не приходится.

В верованиях о колтуне всплывают показательные западно- и восточнославянские параллели, причем на самой границе их ареала. Так, на востоке Белоруссии, на пограничье, на небольшой территории колтуном называют разного рода раны, фурункулы, гнойные высыпания, см. один из примеров: «Каўтун бываець на галаве, дзе ўгодна

адкладываецца, эта проста мякнець, эта такія болькі» (Хотимский район Могилевской обл.). Подобные болезни кожи у чехов называются *koltún mokry*, у поляков колтун может проявлять себя сыпью и фурункулами. Во всех случаях указывается на то, что такие раны долго не заживают и требуют прежде всего лечения заговорами.

Таким образом, стремление обозначить народно-медицинское диалектное распределение предполагает описание внутреннего членения пространственной структуры самой традиции магического врачевания на основании ряда карт. Безусловно, причиной некоторой условности конечных результатов становится отсутствие целенаправленных исследований тех или иных территорий, хотя тенденции и закономерности в любом случае очевидны.

НДП — Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века. Т. 3 : Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / ред.-сост. Л. Виноградова, Е. Левкиевская. М., 2016.

DOI 10.31168/7996-2700-3.27

Ю. Б. Воронцова*, А. А. Макарова**

*Уральский федеральный университет

**Уральский федеральный университет

Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН

Екатеринбург, Россия

*vorontsova_julia@rambler.ru

**toponimist@yandex.ru

Зооморфная модель в коллективных прозвищах Архангельской области*

В докладе на ономастическом материале говоров Архангельской области рассматриваются коллективные прозвища, образованные от названий животных, птиц, рыб, земноводных и насекомых.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01-351).

© Воронцова Ю. Б., Макарова А. А., 2019